

«Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610–1620-х гг.

Дмитрий Лисейцев

**«We brought a hundred rubles in money from the Ustyug people»:
Zemsky worlds and central authority in the Moscow state of the 1610s–1620s**

Dmitriy Liseitsev

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870000135-9

В мае 1621 г. жители подведомственных приказу Устюжской четверти города Великого Устюга и Устьянских волостей, доставившие в Москву собранные подати, попытались дать взятку думному дьяку Томиле Иудичу Луговскому: «Привезли в посулах устюжане сто рублей денег, три кубка серебряны, два перстня золотых, один с яхонтом, Устьянских волостей крестьяне привезли пятьдесят рублей денег да сорок куниц, тысяча белки». Луговской взятки не принял, передав деньги, драгоценности и меха в государеву казну, о чём в приходной книге приказа сделали соответствующую запись. В июле того же года жители Соли Вычегодской также попробовали дать главе Устюжской четверти взятку в размере 100 руб. Результат оказался тем же — дьяк отправил привезённые деньги в государеву казну¹. Не принявший взятки думный дьяк Томило Луговской был на тот момент одним из наиболее влиятельных лиц в правительстве, возглавляя одновременно три центральных ведомства — Разрядный и Печатный приказы и Устюжскую четверть. Во главе Разрядного приказа он стоял и в начале Смуты (1605–1610); вместе с Филаретом Никитичем Романовым он провёл восемь лет в плену в Речи Посполитой и остался близок к патриарху по возвращении в Москву².

Поднесение денег должностному лицу в Москве XVII в. вряд ли шокирует читателя, привыкшего к характеристикам приказной системы, согласно которым та «с её централизацией и бюрократизмом, бумажным делопроизводством и бесконтрольностью порождала волокиту, злоупотребления и взяточничество»³. Скорее наоборот, удивление должен вызывать факт отказа приказного дьяка от подношения, ведь, согласно расхожему представлению, в XVII в. «администрация

© 2018 г. Д.В. Лисейцев

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2018 г.

¹ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 385.

² Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 301–302.

³ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 61.

была особенно дурна — продажна и несправедлива»⁴. Данный случай приводится мной, однако, не для того, чтобы попытаться реабилитировать приказных дьяков Московского государства в глазах потомков, тем более что о взятках в Московском государстве XVII в. в современной историографии имеются специальные исследования⁵. Высказана также интересная мысль о том, что «содержание обществом профессиональных управленцев государственного аппарата напрямую, а не путём перераспределения средств через налоги, устанавливало зависимость не только общества от чиновников, но и чиновников от общества»⁶.

Описанный случай интересен в другом смысле. Здесь мы сталкиваемся с несчастным случаем документальной фиксации попытки дачи должностному лицу взятки с указанием её размера (обыкновенно в документах встречаются размытые формулировки вроде «мзда великая» или «посулы многие»). В тех же случаях, когда сумма взятки озвучивалась, не всегда можно соотнести её с уровнем достатка дающего и берущего, равно как и с размером выгоды, которой дающее взятку лицо стремилось достичь. В нашем случае также нет возможности абсолютно точно перевести в денежный эквивалент сделанное столичному дьяку провинциальными челобитчиками подношение, но приблизительно вычислить размер взятки всё же можно. Деньгами жители Устюга, Соли Вычегодской и Устьянских волостей поднесли Томиле Луговскому 250 руб. Стоимость привезённой устьянскими крестьянами пушнины с учётом актуальных для того времени цен могла составить 20–30 руб.⁷ Оценить же в денежном выражении ценность поднесённых устюжанами кубков и перстней сложно. Стоимость серебряного кубка в зависимости от веса и художественных достоинств колебалась тогда от 10 до 30 руб., а 1 г. золота стоил 22–28 коп.⁸ Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что три серебряных кубка и два золотых перстня могли стоить около 100 руб. Таким образом, всего жители северных уездов попытались дать думному дьяку взятку стоимостью около 380 руб., что примерно на четверть превосходило его годовой денежный оклад (согласно поданной позднее Луговским челобитной в думных дьяках он получал по 300 руб. жалованья в год)⁹. Любопытно сопоставить размеры предложенных столичному дьяку посулов с окладом податей, взимаемых в государеву казну: с Великого Устюга предполагалось собрать в 1620/21 г. около 11 тыс. руб., с Соли Вычегодской более 5700 руб., с Устьянских волостей примерно 1500 руб.¹⁰ Следовательно, явившиеся в столицу устюжане, усольцы и устьянские крестьяне поднесли влиятельному дьяку денег и товаров на сумму, составлявшую приблизительно 2% годового денежного сбора с их городов и уездов.

⁴ Сыромятников Б.И. История русского государственного права. Лекции приват-доцента Б.И. Сыромятникова, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/09 академическом году. М., 1909. С. 512.

⁵ Седов П.В. Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–149.

⁶ Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 540.

⁷ Сорок куниц в зависимости от качества меха стоил от 8 до 12 руб. 60 коп. (РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 199, л. 20–20 об.; кн. 203, л. 294–294 об.; кн. 204, л. 158, 172, 248; кн. 277, л. 1в. об., 355; кн. 280, л. 389 об.; Приходо-расходные книги... С. 89, 243, 317). 1 тыс. белок по соликамским, хлыновским, кольским, двинским, кеврольским, вымским, устюжским и арзамасским ценам стоила 10–18 руб. (Приходо-расходные книги... С. 91, 96, 126, 132, 140, 251, 261, 268, 277, 280, 291, 317, 329).

⁸ РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 277, л. 146; кн. 199, л. 42; оп. 1, д. 38948, л. 110; ф. 141, оп. 2, д. 37 (1641 г.), л. 393, 590, 598, 605. Незвестной составляющей остаётся цена яхонта в одном из перстней. Большой яхонт мог стоить до 30 руб. (Там же, ф. 396, оп. 2, кн. 201, л. 99 об.).

⁹ РГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 119, л. 839.

¹⁰ Приходо-расходные книги... С. 335–375, 377–378, 387, 388.

Велика ли была сумма предлагаемой взятки? Приведём для сравнения данные о посулах, поднесённых должностным лицам во втором десятилетии XVII в. Так, в мае 1614 г. жители Вятской земли постановили поднести присланному к ним дозорщику дьяку Михаилу Ордынцеву «на приезде» 50 руб. Вместе с гораздо меньшими подношениями сопровождавшим дьяка дворянам (4 руб. 44 коп.) набралась не слишком обременительная сумма — по 21 коп. с сохи. Примерно те же деньги — по 20 коп. с сохи — вятчане подносили чуть раньше, в декабре 1613 г., дьяку Ивану Поздееву¹¹. Гораздо дороже обошлось вятчанам летом 1614 г. поднесение взятки присланному из столицы «боярам»: им собрали примерно по 1 руб. 14 коп. с сохи (всего с Вятской земли при таком раскладе получалась сумма в 295 руб.). Впрочем, и заинтересованность вятчан очевидна: с них предполагалось собрать за прошедшие три года 3 тыс. руб. «за пермское ямское строенье», и присланные из Москвы эмиссары этих денег на вятчанах править «не велели»¹² (надо полагать, доложив в столице о «конечном разорении» Вятской земли). В 1618 г. крестьяне Сумерской волости вручили подьячему Дружине Скирину, приехавшему к ним с хлебным выделщиком (эмиссаром, устанавливавшим размеры хлебного оброка в пользу государя) взятку в размере 100 руб. (порядка 30 руб. с сохи или по 25 коп. с двора). Размер взятки существенно превосходил годовой денежный оклад подьячего, получавшего в Поместном приказе жалованье в размере 14 руб.¹³ Таким образом, подносимые должностным лицам взятки могли существенно превосходить их официальный оклад.

Однако приведённые примеры коллективных «посулов» должностным лицам начала XVII в. при раскладке на дворы не выглядят фантастически огромными. Взятка, которую в мае 1621 г. пытались дать думному дьяку Томиле Луговскому устюжане (по нашей оценке — около 200 руб.), при распределении её на количество жилых дворов в городе (в 1623/24 г. их в Великом Устюге числилось 725) даёт не слишком большую сумму — по 26–28 коп. с двора или по 22 коп. с каждого взрослого мужчины¹⁴. Жителям Соли Вычегодской, где в 1620 г. насчитывалось 270 жилых дворов¹⁵, чтобы собрать 100 руб. для подношения Луговскому, надлежало взять с двора по 37 коп. (а при пересчёте на взрослое мужское население — более 560 душ — по 17–18 коп.). Надо полагать, не слишком обременительно было для крестьян Устьянских волостей собрать средства на посул в размере 80 руб. В волости по более поздним данным числилось 969 дворов и 1 459

¹¹ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37908, л. 2, 15.

¹² Там же, л. 19.

¹³ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 2 (1619 г.), л. 251; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 478.

¹⁴ Исследовавший хозяйственную жизнь Великого Устюга А.Ц. Мерзон констатировал, что Устюжский уезд сильно пострадал от «литовского разорения», отметив, однако, что «скудость сохранившихся источников» не позволяет изучить экономическое состояние Устюга и Устюжского уезда в начале XVII в. (*Мерзон А.Ц.* Рынок Устюга Великого во второй четверти XVII в. // *Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 43). По данным П.П. Смирнова, в 1623/24 г. в Великом Устюге числилось 725 дворов (*Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919. С. 76). В писцовой книге Великого Устюга 1622/23–1625/26 гг. упоминаются 689 тяглых дворов (838 жителей) и 80 нетяглых дворов (Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге «Письма и меры Микиты Вышеславцева да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году». Публ. Ю.Г. Васильева, Р.П. Биланчука, С.Е. Замараева // *Бысть на Устюге... Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 160–232).*

¹⁵ *Смирнов П.П.* Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 77. По сведениям конца 1630-х гг., восходящим, судя по всему, к писцовым описаниям 1620-х гг., в Соли Вычегодской числилось 293 двора и 586 жителей (РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 79 (1639 г.), л. 12).

жителей (взрослых мужчин)¹⁶, следовательно, с двора собирали примерно по 8 коп. (или по 5 коп. с человека). Вряд ли поэтому подношение главе московского приказа в 1621 г. было разорительно для жителей Великого Устюга, Соли Вычегодской и Устьянских волостей.

Вместе с тем открытым остаётся вопрос о цели этого отвергнутого думным дьяком подношения. Приходная книга Устюжской чети 1620/21 г., зафиксировав факт попытки вручения взятки Томиле Луговскому, никак не раскрывает мотивации взяткодателя. Впрочем, источники позволяют ответить на этот вопрос. Анализ приказной документации наводит на мысль о том, что побудительной причиной для поднесения взятки стало резкое увеличение сбора податей в Устюжском и Усольском уезде в 1620/21 г. в связи с назначением туда кабацким и таможенным головой московского гостя Михаила Смывалова. Михаил Степанович Смывалов — личность незаурядная. Уже в царствование Василия Шуйского он имел немалое влияние при дворе. В первые годы царствования Михаила Фёдоровича ему доверяли выполнять ответственные поручения финансового характера, а в 1622 г., вскоре после возвращения из Великого Устюга и Соли Вычегодской, вчерашний купец возглавил Устюжскую четь (сменив там Томилу Луговского и оказавшись в числе лиц, наиболее близких к фактическому правительству страны патриарху Филарету)¹⁷.

Смывалов оставил о себе в Устюжском уезде долгую и недобрую память. Именно с его прибытием в Великий Устюг жители города связывали начало своего «конечного разорения», вспомнив о «забывшем государево крестное целование» госте даже в челобитной, поданной царю Михаилу Фёдоровичу спустя 18 лет, в 1638 г. И, следует признать, устюжанам было отчего досадовать на него. Первые семь лет царствования Михаила Романова они вспоминали едва ли не как «золотой век»: «На Устюге посаде и во всем Устюжском уезде твою государеву таможенную пошлину и кабацкую прибыль сбирали... устюжские таможенные и кабацкие выборные головы, а целовальников... с ними было в таможе и на кабаках только по 12 человек... А сбиралось... всего тогда таможенных и кабацких денег на посаде и в уезде по 129 год по 2000 рублей, а кабаков было... всего на посаде и в уезде только три кабака». Конец этому благоденствию, по словам устюжан, наступил с приездом к ним в 1620/21 г. таможенного и кабацкого головы Михаила Смывалова, после чего «по вся годы учали присылать с Москвы таможенных и кабацких голов». Смывалов, по утверждению челобитчиков, «делал своим самовольством... и учинил в Устюжском уезде многие прибавочные кабаки». Начатую им линию продолжили его преемники, которые «прибавили... сверх Михайловых кабаков Смывалова в уезде больши 20 кабаков... А собирается... ныне таможенных и кабацких денег больши 13000 рублей»¹⁸. Картина действительно выглядит удручающе: честных устюжан у сбора податей в Великом Устюге сменили столичные самодуры, стремившиеся любой ценой увеличить поступления в казну и тем самым добиться государственной милости. Итогом их махинаций стали шестикратный рост денежных сборов и существенное увеличение количества питейных заведений в уезде. С челобитчиками солидарен оказался и крупнейший специалист по российской истории XVII в. С.Б. Веселовский,

¹⁶ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Владимир), кн. 4, л. 43.

¹⁷ О Михаиле Смывалове подробнее см.: *Павлов А.П.* Гость и дьяк Михаил Смывалов: штрихи к биографии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI — XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 123—128.

¹⁸ Челобитная опубликована: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. М., 1912. Приложения. С. 4—5.

отметивший «чрезвычайно быстрый рост косвенных налогов после 128 [1619/20] года» в городах Устюжской чети, в частности в Великом Устюге, Соли Вычегодской и Тотьме. Эту тенденцию учёный объяснил тем, что руководство приказа чрезвычайно «напрягает косвенное обложение» и связал сокращения годовых сборов таможенных и кабацких доходов с моментами введения экстраординарных налогов¹⁹, под знаком которых прошли первые годы царствования Михаила Фёдоровича.

Как обстояло дело в действительности, можно узнать по неплохо сохранившимся приказным документам 1620-х гг. Размеры денежных сборов в Великом Устюге до назначения туда Михаила Смывалова отражены в приходной книге 1620/21 г. Новому голове предстояло собрать по окладу «против прошлого году» 977 руб. 68 коп. таможенных пошлин; кабаки на посаде, в Пятницком сельце и Алексинском стане в предыдущем году находились в откупе за устюжанином посадским человеком Василием Шапочником за 1 830 руб. 6 коп. 1.5 деньги. Кабаки в Устюжском уезде, кроме того, должны были дать казне 289 руб. 21 коп., а таможни — 68 руб. 17 коп. 1 деньгу²⁰. Всего, таким образом, таможенные и питейные сборы с Великого Устюга и уезда достигали перед назначением Михаила Смывалова около 3 200 руб. (напомню, челобитчики позднее писали о сумме в полтора раза меньшей).

После прибытия в город Смывалова в 1620/21 г. устюжская таможня на посаде вместе с уездными таможнями принесли казне 1 756 руб. 84 коп. (приблизительно на 70% больше в сравнении с предыдущим годом). Ещё более заметным стал прирост питейных доходов: кабаки на посаде и в уезде дали государству 5 047 руб. 96 коп. 0.5 деньги — в 2.4 раза больше, чем в прошлом году. Общая же прибыль, полученная с Устюга и уезда за счёт сбора таможенных и кабацких денег, стараниями Михаила Смывалова удвоилась, превысив 6 800 руб. Столь значительный прирост денежных сборов вызывает обоснованный вопрос: за счёт чего это оказалось возможно?

Михаил Смывалов и его товарищ Иван Синий уже на исходе 1620 г. писали в Москву о немалых злоупотреблениях, допускаемых в деле виноторговли устюжскими целовальниками: «почали были нашу казною корыстоватца, из-за стоек из-за винных... деньги не сполна приносить». Обнаружив это «воровство», головы заставили целовальников вернуть украденные деньги «против прежних стоек, за которыми стойками для укрепления... сами стояли». Проворовавшихся целовальников били батогами и отставили от службы. Впрочем, эта мера вразумила не всех. Согласно отписке Смывалова и Синего, «иные целовальники... на кабаке наше питье пьют», а когда в наказание оказываются на несколько дней под арестом, угрожают головам «убивством и поклепом, и продажей»²¹.

Сами устюжане резкое увеличение казённых сборов объясняли злоупотреблениями Смывалова, «учинившего» в их уезде «многие прибавочные кабаки». Действительно ли дело обстояло таким образом? Приходится констатировать, что слова челобитчиков о том, что до назначения на Устюг Михаила Смывалова в их городе и уезде было всего три кабака, мягко говоря, истинному положению дел не соответствуют. Ко времени прибытия Смывалова в Великий Устюг на

¹⁹ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908. С. 86.

²⁰ Приходо-расходные книги... С. 329, 336—338. Данные по сборам уездных таможен, вероятно, неполны, но картины в целом это не меняет — годом позже при М. Смывалове с них собрали в общей сложности 142 руб. 51 коп. 1 деньгу.

²¹ Кистерев С.Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. № 8. С. 34.

подведомственной ему территории действовало 22 питейных заведения (кабаки на посаде, в сельце Пятницком и в Алексинском стане, имевшие общий оклад, и ещё 19 в уезде). И лишь один кабак — в Комарицком стане — учредил Смывалов²². Большинство кабаков в уезде находились в откупе за самими жителями волостей или за устюжскими посадскими людьми. Новый голова пересмотрел откупные суммы: в 12 случаях стоимость выросла, в трёх осталась прежней и лишь в одном сократилась на 2 руб. 50 коп. В общей сложности эта операция увеличивала для казны прибыльность волостных заведений на 53 руб. 63 коп. 1 деньгу. Совершенно очевидно, что эта сумма не могла разорить устюжский посад.

Гораздо больше поводов для тревоги создавал перевод некоторых кабаков с откупа на веру²³. Эту меру Смывалов применил к питейным заведениям в пяти волостях уезда — Брусенце, Городищенской, Черевской, Пермогорской и Кивокурской. Сборы с них (почти 200 руб.) до прибытия Смывалова к месту службы более чем вдвое превосходили поступления денег от остальных заведений уезда, приносивших казне за счёт уплаты откупных сумм около 86 руб. Назначение верных целовальников в наиболее перспективные кабаки принесло ощутимый результат: заведения в Брусенце и Городищенской волости за год увеличили доходность в 2.7 раза, в Черевской волости — в 3.6, в Пермогорской и Кивокурской волостях — в 4 раза. В итоге сборы денег с уездных кабаков стараниями Михаила Смывалова возросли втрое. Вместе с таможенными деньгами сборы этого головы увеличились по сравнению с уровнем предыдущего года на 115%. Подобная картина не радовала устюжан. Результаты деятельности Смывалова могли открыть столичным властям глаза на неприятную правду: жители уезда утаивали от государства значительную часть питейных и, возможно, таможенных денег.

Замечу, что обозначившаяся при Смывалове тенденция имела продолжение при его преемниках — московских кабацких и таможенных головах — на протяжении 1620-х гг. (см. табл. 1). Сменивший Смывалова голова Максим Дошаников передал на веру ещё три кабака — в Кичменгской и Уфтюжской волостях и в Комарицком стане. Первый из них, кичменгский, вследствие этой операции принёс казне в 1621/22 г. доход в 25 раз больший, чем в 1619/20 г., когда устюжане эксплуатировали его без контроля со стороны столичных голов. Уфтюжский кабак увеличил прибыльность в 21 раз, а учреждённый годом ранее комарицкий дал казне почти в шесть раз больше, чем ранее. Продолжали расти и сборы с заведений, отданных на веру годом ранее: в Брусенце и Городищенской волости они увеличились за год более чем втрое (а в сравнении с 1619/20 — почти в девять раз); в Пермогорской и Кивокурской — в полтора раза (и в шесть раз по сравнению с 1619/20 г.). В шесть раз (до 1 782 руб. 96 коп. 0.5 деньги) вырос к 1621/22 г.

²² Приходо-расходные книги... С. 338.

²³ В России XVII в. при сохранении винной государственной монополии бытовали две формы управления питейными заведениями — откупная и верная. Откупная подразумевала передачу права эксплуатации кабака частному лицу, бравшему на себя обязательство уплатить к определённом сроку в казну заранее оговорённую сумму. Деньги, собранные сверх стоимости откупа, составляли прибыль откупщика. В случае недобора он (или его поручители) возмещали казне недостачу. Верная форма управления отдавала кабак под контроль назначаемого из столицы или выбранного местным населением головы и верных целовальников. В этом случае вся прибыль от эксплуатации кабака поступала в казну, но правительство не было застраховано от недобора запланированной суммы, который не всегда удавалось взыскать с головы, целовальников и местного населения. О формах эксплуатации питейных заведений в России XVII в. см.: *Раздорский А.И.* Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М., 2017. С. 14–15.

Размеры кабацких сборов в Великом Устюге и Устюжском уезде в 1619/20 – 1629/30 гг.

	1619/20	1620/21	1621/22	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30
Кабаки на посаде Великого Устюга	1830 руб. 6 коп. 1.5 деньги	4161 руб. 5 коп. 1.5 деньги	4858 руб. 66 коп. 1.5 деньги	4758 руб. 63 коп.	4799 руб. 51 коп.	4910 руб. 16 коп.	4985 руб. 34 коп.
Вондокурский стан	10 руб.	18 руб.	18 руб.	26 руб. 30 коп.	25 руб. 45 коп.	25 руб. 77 коп. 1 деньга	29 руб. 60 коп.
Орловская волость	5 руб.	5 руб.	5 руб.	9 руб. 35 коп.	9 руб. 10 коп.	9 руб. 10 коп.	8 руб. 83 коп.
Шасткая волость	4 руб.	5 руб.	5 руб.	6 руб. 80 коп.	6 руб. 80 коп.	6 руб. 86 коп.	6 руб. 95 коп.
Ентальская волость	1 руб. 93 коп. 1 деньга	7 руб.	7 руб.	30 руб. 9 коп.	12 руб. 87 коп.	12 руб. 70 коп.	12 руб. 70 коп.
Келчанская волость	2 руб. 63 коп.	4 руб.	4 руб.	7 руб. 75 коп.	8 руб. 36 коп.	9 руб. 10 коп.	9 руб. 8 коп.
Шольская волость	10 руб.	16 руб.	16 руб.	162 руб. 53 коп. 1 деньга	204 руб. 64 коп. 1 деньга	170 руб. 29 коп. 0.5 деньги	220 руб. 64 коп. 1 деньга
Подосиновская волость	4 руб.	7 руб.	7 руб.	10 руб. 50 коп.	10 руб. 50 коп.	10 руб. 50 коп.	10 руб. 50 коп.
Верхотушская и Яхренская волости	8 руб.	15 руб.	15 руб.	116 руб. 22 коп.	187 руб. 41 коп. 1 деньга	165 руб. 55 коп. 0.5 деньги	125 руб. 53 коп. 1.5 деньги
Утмановская волость	4 руб.	4 руб.	4 руб.	7 руб. 49 коп.	7 руб. 54 коп.	8 руб.	8 руб. 24 коп. 1 деньга
Кичменгская волость	6 руб. 30 коп.	18 руб.	159 руб. 77 коп. 1 деньга	196 руб. 53 коп. 1 деньга	157 руб. 14 коп.	143 руб. 36 коп.	175 руб. 62 коп. 1.5 деньги

Шарженская волость	10 руб.	7 руб. 50 коп.	7 руб. 50 коп.	14 руб. 35 коп.	19 руб. 63 коп.	19 руб. 65 коп.	19 руб. 65 коп.
Варженская волость	5 руб.	8 руб.	8 руб.	137 руб. 56 коп. 1.5 деньги	206 руб. 17 коп.	227 руб. 91 коп. 1 денга	161 руб. 77 коп.
Брусенец и Городищенская волость	31 руб.	82 руб. 90 коп. 0.5 деньги	270 руб. 3 коп. 1 денга	210 руб. 5 коп. 1.5 деньги	371 руб. 58 коп.	379 руб. 66 коп. 0.5 деньги	310 руб. 73 коп. 0.5 деньги
Уфлюжская волость	10 руб.	20 руб.	209 руб. 67 коп. 0.5 деньги	247 руб. 63 коп. 1 денга	219 руб. 65 коп. 1 денга	321 руб. 55 коп. 1.5 деньги	300 руб. 56 коп. 1.5 деньги
Комарицкий стан	—	30 руб.	264 руб. 67 коп.	590 руб. 54 коп. 1.5 деньги	703 руб. 11 коп. 0.5 деньги	647 руб. 65 коп.	565 руб. 15 коп.
Черевковская волость	97 руб. 34 коп. 1 денга	351 руб. 87 коп. 1.5 деньги	337 руб. 45 коп. 1 денга	385 руб. 97 коп. 0.5 деньги	475 руб. 45 коп. 1.5 деньги	469 руб. 24 коп.	596 руб. 54 коп. 1.5 деньги
Пермогорская и Кивокурская волости	71 руб.	282 руб. 62 коп. 1 денга	444 руб. 85 коп. 1 денга	591 руб. 86 коп. 1 денга	816 руб. 28 коп. 1 денга	710 руб. 35 коп.	891 руб. 84 коп.
Луженская волость	5 руб.	5 руб.	—	—	—	—	—
Всего:	2119 руб. 27 коп. 1.5 деньги	5047 руб. 96 коп. 0.5 деньги	6641 руб. 63 коп.	7510 руб. 19 коп. 1 денга	8241 руб. 22 коп.	8247 руб. 42 коп. 1 денга	8439 руб. 31 коп. 0.5 деньги

Составлено по: Приходо-расходные книги... С. 329, 336; РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 6, л. 16, 79–88; кн. 14, л. 46–48, 49, 49 об., 51, 51 об., 53 об., 54 об., 56–57, 59, 61 об., 62, 64, 66, 69; кн. 16, л. 46–76 об.; кн. 17, л. 34–63.

и общий сбор денег с уездных кабаков²⁴. Безусловно, устюжанам было от чего встревожиться, и перспектива потерять около полутора тысяч рублей, ранее «прилипавших» к их рукам, вполне могла подвигнуть их на дачу взятки дьяку Устюжской четверти. Взамен, вероятно, ожидали содействия в борьбе против не в меру усердного головы Михаила Смывалова.

Впрочем, уездные кабаки по объёмам хищений заметно уступали трём главным питейным заведениям региона — посадскому, в селе Пятницком и в Алексинском стане. Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают, что на рубеже 1610—1620-х гг. они были объектом крупных денежных махинаций посадского населения города, использовавшего в своих интересах отсутствие реального контроля столичных властей над экономической жизнью Великого Устюга. В частности, выяснилось, что взявшие в откуп на 1619/20 г. Устюжский, Пятницкий и Алексинский кабаки посадские люди уклонились от уплаты пошлины за приложение печати к выданной им грамоте. С суммы откупа (1 830 руб. 6 коп. 1.5 деньги) причиталось уплатить 67 руб. 62 коп. 1 деньгу. Отдавать столь значительные деньги откупщики не пожелали, выйдя из положения за счёт изготовления поддельной печати. Махинация вскрылась только в 1621 г.: глава Устюжской четверти думный дьяк Томило Луговской произвёл по этому делу сыск и обнаружил виновников подлога — службу устюжского Архангельского монастыря Афанасия Фёдоров и холопа кн. Ивана Долгорукова Герасима Дронова. «Сэкономленные» откупщиками деньги были с них взысканы и переданы в Печатный приказ, о чём в пошлинной книге этого ведомства 23 февраля 1621 г. сделали соответствующую запись²⁵.

Впрочем, махинация с подделкой печати оказалась всего лишь «детской шалостью» на фоне иных злоупотреблений. В 1619/20 г. устюжский кабак находился в откупе у посадского человека Василия Саламаты²⁶, причём запрошенная с него сумма соответствовала размеру годового сбора за предыдущий год, когда питейные пошлины собирали «на веру» устюжские голова и целовальники. Сама по себе данная ситуация нетипична для Московского государства: как правило, откупщику ставили более высокую цену — назначалась так называемая «наддача». Впрочем, случаи, когда откуп предоставлялся без наддачи, хоть и нечасто, имели место. Но не могло не обратить на себя внимания столичных властей разительное несовпадение откупной суммы 1619/20 г. (1 830 руб. 6 коп. 1.5 деньги) и сбора Михаила Смывалова в следующем 1620/21 г. (4 161 руб. 5 коп. 1.5 деньги) — разница составила 2 330 руб. 99 коп. Сборы Смывалова на 127% превзошли цену откупа 1619/20 г. и, соответственно, заявленную сумму верного сбора 1618/19 г. Верить в случившееся в Великом Устюге «экономическое чудо» столичная администрация отказалась. Результатом произведённого сыска стало обвинение кабацкого головы 1618/19 г. Семёна Кабакова и его товарищей в присвоении крупной денежной суммы из питейных сборов. В смете Устюжской четверти среди доимок 1623/24 г. имеется запись: «На устюжском кабацком голове на Семейке Кабакове и на его товарищах, и на целовальниках, и на стопщиках достолных денег взяти 2 650 рублей 4 алтына пол-6 деньги, что они те деньги украли устюжских кабаков

²⁴ Наметившаяся тенденция имела продолжение и в дальнейшем: учреждённый Смываловым в 1620/21 г. кабак в Комарицком стане, отданный в откуп за 45 руб. в год, в 1624/25 г. принёс казне уже 533 руб. 32 коп. 1 деньгу прибыли (РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 9, л. 1).

²⁵ РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 214.

²⁶ Он держал за собой кабак и по истечении откупного срока — с 1 сентября по 17 октября 1620 г., вплоть до прибытия в город московских голов (РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Чаронда), кн. 2, л. 18).

кабацкие прибыли верного бранья 127-го году». Впрочем, в 1626 г. с подручных проворовавшегося головы удалось взыскать лишь 39 руб. 42 коп.²⁷

Таким образом, мотивы челобитчиков, пытавшихся поднести главе Устюжской четверти взятку в размере 200 руб. становятся очевидными: собрав по 27–28 коп. с двора, они пытались уговорить думного дьяка закрыть глаза на ежегодные хищения ими до 4 тыс. руб. казённых денег.

Злоупотребления при сборе питейных денег, судя по всему, не являлись спецификой одного лишь Устюжского уезда. Сохранившиеся документы позволяют утверждать, что похожая картина наблюдалась в Соли Вычегодской и Усольском уезде. Имеются документы, позволяющие проследить динамику сборов в кабаках уезда начиная с 1616/17 г. В 1617 г. посадские люди Соли Вычегодской подали челобитную. В ответ на это правительство распорядилось впредь не давать в откуп уездные кабаки: их указали держать на вере, «чтоб усольскому большому кабаку убыли не было»²⁸. На тот момент в уезде их работало четыре: три из них были на откупе (давали казне в общей сложности 42 руб.), один — в Лальской волости — на вере (его сборы (174 руб. 93 коп. 1.5 деньги) вчетверо превышали доходы казны от трёх прочих заведений). Запрет передачи усольских уездных кабаков на откуп, судя по всему, так и не вступил в силу: до 1619/20 г. форма их эксплуатации оставалась прежней, равно как и двух возникших за эти годы новых заведений (в Учечкой волости и в Луцкой Пермце). Более того, на протяжении четырёх лет (1616/17–1619/20 гг.) стоимость откупа уездных кабаков почти не изменилась. Не слишком заметно — на 43 руб. 85 коп. — выросли за это время и сборы остававшегося на вере кабака в Лальской волости.

Подозрения в финансовой нечистоплотности усольцев возникли в Москве уже в 1619 г. Кабацкий оклад на 1618/19 г. назначили в размере прошлогоднего сбора — 1 174 руб. 7 коп. 1.5 деньги. Питейные прибыли, однако, оказались существенно меньшими, и это вызвало у руководства Устюжской четверти понятный интерес. Уже к концу 1619 г. из отписки сольвычегодского воеводы Василия Аргамакова в Москве узнали о злоупотреблениях, допущенных головами Никитой Шадриковым, Жданом Костиным и Степаном Бояркиным. Они не озаботились оставить преемникам вина, солода, хмеля и дров на «завод», вследствие чего необходимое для винокурения сырьё пришлось покупать по более высоким ценам. Сами же Шадриков, Костин и Бояркин «о... кабацком зборе не радели... всегда ходили пьяны». Изготовленное по низкой себестоимости вино они, «крадучи, розделили по себе и друзьям роздавали» по цене от 90 коп. до 1 руб. 20 коп. за ведро, тогда как «кабацкая указная цена» была существенно выше — 2 руб. 50 коп.

²⁷ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 26 (1626 г.), л. 6, 7. Семён Кабаков в 1618/19 г., будучи кабацким головой, держал за 30 коп. на оброке мельницу (Приходо-расходные книги... С. 339). В первой половине 1620-х гг. он известен как кожевник и владелец мельницы. Его сыновья оказались под стать родителю. Филипп Семёнов сын Кабаков, занимавшийся кожевным делом вместе с отцом и братом, держал к 1626 г. на посаде Великого Устюга пять лавок, владел двумя мельницами и несколькими деревнями в Устюжском и Усольском уездах. Насилия, которые он творил в отношении крестьян, стали причиной ссылки зарвавшегося торговца в Сибирь и конфискации его имущества. Павел Семёнов сын Кабаков, устюжский земский судья, в апреле 1632 г. оказался одним из организаторов нападения представителей посадской торговой верхушки на людей воеводы кн. Д. Львова. Позднее мы видим его в числе торговцев кожами; в 1640-х гг. он известен как торговый человек, ориентированный на сибирский рынок. Подобно отцу, он был нечист на руку: посадские люди обвиняли его в присвоении 700 руб. «мирских сборных денег» (*Мерзон А.Ц.* Указ. соч. С. 77, 78, 335, 342, 362, 363, 367–368).

²⁸ Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. № 38. С. 332.

за ведро. Кабацкие книги воеводе целовальники отдали с большой неохотой, рассчитывая, помимо всего, на поддержку подьячего Панкрата Бобынина, замешанного в их махинациях. Ответом на поступившее от воеводы донесение стала указная грамота из Устюжской четверти от 2 ноября 1619 г. с распоряжением произвести сыск по данному вопросу²⁹.

Сыск продемонстрировал невиновность голов в недоборе (об этом свидетельствовали 563 жителя Соли Вычегодской, опрошенные воеводой). Дело, однако, на том не прекратилось, и спустя некоторое время «головы и целовальники в своем воровстве сами винулись». С них указали взыскать стоимость украденного. Вместе со штрафными («пенными») деньгами получилась крупная сумма — 392 руб. 67 коп., доставленная в Москву в четыре приёма (с конца декабря 1620 по конец декабря 1621 г.). Она составляла примерно треть от суммы прибыли за 1617/18 г. Наказали и посадских людей, давших во время сыска ложные показания: с них взыскивали по полтине штрафа, что составило 281 руб. 50 коп.; взяли с них также 20 руб. «прогонных денег», компенсировавших стоимость провоза государевых грамот в Соль Вычегодскую³⁰. В общей сложности за махинации с питейными деньгами усольцы уплатили в казну Устюжской четверти 694 руб. 17 коп.

Пока шло разбирательство, в Соли Вычегодской выбрали новых кабацких голов. Одним из них стал посадский человек Афанасий Савин, двумя годами ранее занимавший в городе пост земского старосты³¹. Второй голова — крестьянин Окологородной волости Андрей Яровой — оказался персоной, которая в Москве не могла не вызвать сомнений: в 1617/18 г. он «с товарищи» за крупную сумму — 3 390 руб. — подрядился у посадских людей и уездных крестьян «гонять ямскую гоньбу» и чинить городской острог, однако значительной части взятых на себя обязательств не выполнил, вследствие чего по государеву указу с него следовало взыскать треть взятых денег — 1 130 руб.³² Эти головы, как и их предшественники, не сумели собрать суммы, соответствующей окладу 1617/18 г., вследствие чего на 1620/21 г. оклад назначили прежний — 1 174 руб. 7 коп. 1.5 деньги. Однако на сей раз, не доверяя местным жителям, Устюжская четь решила направить в Соль Вычегодскую голов из Москвы — Михаила Смывалова и Ивана Синего, одновременно контролировавших сборы таможенных и кабацких денег в Великом Устюге.

В 1620/21 г. в Соли Вычегодской и Усольском уезде сбор питейной прибыли резко увеличился. На момент, когда Смывалов и Синий заступили на должность в Соли Вычегодской, оклад уездных кабаков составлял 285 руб. 78 коп. 1.5 деньги. Как и в Устюжском уезде, здесь открыли один новый кабак (в Ратмировской волости), дав его в откуп за 10 руб. В четырёх местах увеличили стоимость откупа (в общей сложности на 23 руб.). Ещё один кабак (в Вилегоцкой волости) головы передали на веру. Эффект от этого шага оказался тем же, что и в Устюжском уезде: сборы с этого заведения выросли шестикратно, достигнув почти 180 руб. Хорошие плоды принесло и усиление контроля за сбором денег в Лальской волости — здесь целовальники собрали денег в 2,4 раза больше, чем в предыдущем году (521 руб. 60 коп. 1 деньга). Всего усольские уездные кабаки принесли казне в 1620/21 г. 771 руб. 22 коп. (в 2.7 раза больше в сравнении с предыдущим годом). Эта тенденция продолжилась в следующем, 1621/22 г. при новом голове — тяглеце

²⁹ Там же. № 66. С. 350–351.

³⁰ Приходо-расходные книги... С. 390, 392.

³¹ Указные грамоты... № 121. С. 388.

³² РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Чаронда), кн. 2, л. 367.

Гостиной сотни Афанасии Иванове³³, когда сборы денег с уездных заведений достигли 941 руб. 57 коп. На посадском кабаке в Соли Вычегодской Михаил Смывалов и Иван Синий тоже добились ощутимого увеличения прибыли. Оклад — 1 174 руб. 7 коп. 1.5 деньги — назначили в соответствии с уровнем сбора верных целовальников 1617/18 г.³⁴ Сборы 1620/21 г. оказались почти на треть выше — 1 609 руб. 38 коп. 1 деньга³⁵. Вместе с таможенными пошлинами годовой денежный сбор Михаила Смывалова и Ивана Синего в Соли Вычегодской и Усольском уезде составил около 3 500 руб., что на 70% превосходило ожидания правительства. У жителей Соли Вычегодской, следовательно, также имелась веская причина дать взятку главе Устюжской четверти — собрав по 17–18 коп. с каждого взрослого мужчины, они рассчитывали скрыть от правительства присвоение порядка 1 500 руб. кабацких и таможенных денег (см. табл. 2).

Итак, жителей Великого Устюга и Соли Вычегодской уличили в фискальных махинациях (преимущественно с питейными деньгами), и они попытались исправить ситуацию с помощью взятки в размере 300 руб. Глава Устюжской чети отказался закрыть глаза на их злоупотребления, вследствие которых казна недополучала свыше 5 тыс. руб. дохода в год. Устюжанам и усольцам пришлось возместить казне утаённые деньги. Обладая существенно уточнёнными сведениями о финансовом потенциале Великого Устюга и Соли Вычегодской, правительство сумело уже в первой половине 1620-х гг. заставить жителей этих городов и уездов платить косвенные налоги на пределах возможностей податного населения³⁶.

Неразъяснённым остаётся вопрос о причинах участия в поднесении взятки Луговскому населению Устьянских волостей, где не было ни таможен, ни кабаков. Напрашивается мысль о том, что устьянские крестьяне руководствовались иными резонами. В свете сохранившихся документов выясняется, что они искали в столице управы на присланного к ним «приказного человека», которому предстояло взять под контроль торговлю в их местах. В 1620 г. на устьянских крестьян поступила жалоба, будто бы «они меж себя по деревням, и из ыных городов приезжают торговые люди со всякими товары и торгуют безпошлинно». Обвинение, по словам крестьян, было абсурдно: «Места залешие, стоят в розни верстах в трехсот и в четырехстах». Между собой крестьяне устьянских волостей не торговали, летом из их мест не было водного пути ни в Вологду, ни в Пермь, а для торговых нужд им приходилось летом ходить по рекам в Холмогоры, а зимой по санному пути в Вологду, где они и платили с заключённых сделок таможенные пошлины. Несмотря на это, приехавший в Устьянские волости «приказной человек» Фёдор Вахромеев требовал от крестьян предоставить в своё распоряжение по 3–4 человека с волости в таможенные целовальники³⁷. Однако

³³ Голова Афанасий Иванов, однако, вызвал недовольство столичных властей (главным образом по причине крупного недобора таможенных пошлин). Выяснилось, что он «не хотячи государевы службы служить, в свое место нанял в целовальники Суконные ж сотни теглеца Микитку Онтонова, а тот Микитка своим воровством и брагою, будучи у Соли в целовальниках, учинил государеве казне недобор» (РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 6, л. 35).

³⁴ Данное обстоятельство указывает на то, что в 1618/19 и 1619/20 гг. кабацкие сборы в Соли Вычегодской были ниже уровня 1617/18 г.

³⁵ Приходо-расходные книги... С. 357; РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 6, л. 35 об.

³⁶ Кабацкие сборы в Великом Устюге, Соли Вычегодской и Усольском уезде (по питейным заведениям Устюжского уезда полными данными для 1622/23–1625/26 гг. мы полной информацией не располагаем) до 1622/23 г. демонстрировали устойчивый рост, после чего до конца 1620-х гг. достигнутый уровень поддерживать удавалось далеко не каждый год.

³⁷ Указные грамоты... № 145. С. 226.

Размеры кабацких сборов в Усольском уезде в 1616/17–1629/30 гг.

	1616/17	1618/19	1619/20	1620/21	1621/22	1622/23	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30
Вилегоцкая волость	30 руб.	30 руб.	30 руб.	179 руб. 61 коп. 1 день-га	195 руб. 76 коп.	224 руб. 65 коп. 1.5 день-ги	138 руб. 45 коп. 0.5 день-ги	156 руб. 28 коп.	133 руб. 47 коп.	164 руб. 33 коп. 1.5 день-ги	186 руб. 71 коп.	187 руб. 37 коп. 1 день-га
Андреевская волость	5 руб.	8 руб.	9 руб.	14 руб.	14 руб.	14 руб.	14 руб.	14 руб.	14 руб.	14 руб.	14 руб.	14 руб.
Лальская волость	174 руб. 93 коп. 1.5 день-ги	218 руб. 78 коп. 1.5 день-ги	218 руб. 78 коп. 1.5 день-ги	521 руб. 60 коп. 1 день-га	561 руб. 77 коп. 1.5 день-ги	652 руб. 69 коп. 1.5 день-ги	689 руб. 36 коп. 0.5 день-ги	479 руб. 16 коп. 1 день-га	495 руб. 64 коп. 1.5 день-ги	496 руб. 51 коп. 1.5 день-ги	504 руб. 82 коп. 0.5 день-ги	475 руб. 18 коп.
Антропьева слобода	7 руб.	7 руб. (?)	9 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.
Учецкая волость	—	10 руб.	10 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.	15 руб.
Луцкая Пермца	—	9 руб.	9 руб.	16 руб.	130 руб. 03 коп. 0.5 день-ги	140 руб. 41 коп.	170 руб. 53 коп. 1 деньга	90 руб. 6 коп.	101 руб. 74 коп.	159 руб. 25 коп.	266 руб. 15 коп. 0.5 день-ги	181 руб. 6 коп.
Ратмировская волость	—	—	—	10 руб.	10 руб.	10 руб.	10 руб.	10 руб.	10 руб.	10 руб.	10 руб.	10 руб.
Всего:	216 руб. 93 коп. 1.5 день-ги	282 руб. 78 коп. 1.5 день-ги	285 руб. 78 коп. 1.5 день-ги	771 руб. 22 коп.	941 руб. 57 коп.	1071 руб. 76 коп. 1 день-га	1052 руб. 35 коп.	779 руб. 50 коп. 1 день-га	784 руб. 85 коп. 1.5 день-ги	874 руб. 10 коп. 1 день-га	1011 руб. 68 коп. 1 день-га	897 руб. 61 коп. 1 день-га

Составлено по: Указные грамоты... № 38, С. 332; Прихоло-расходные книги... С. 357–358; РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 6, л. 37–41 об., 195–199 об.; кн. 9, л. 106–110; кн. 12а. Л. 147, 148–150, 151; кн. 14, л. 86, 87, 89–90, 91, 93; кн. 16, л. 86, 87 об., 89–90, 91, 93; кн. 17, л. 83 об., 85–86, 87 об., 90.

причиной жалоб со стороны крестьян стало не только не в меру усердное служебное рвение Вахромеева: его пребывание в волостях обходилось местному населению слишком дорого. С одной только Пежемской волости, платившей в казну оброчных, данных и стрелецких денег 341 руб. 65 коп. 0.5 деньги³⁸, Вахромеев взял себе 99 руб. Не обошёл он вниманием и другие волости, где за два года взял «въезжего и поминка» 507 руб. Кроме того с устьянских крестьян он взял себе 234 чети ржи и овса на 128 руб. 70 коп. Всего же двухлетнее пребывание «приказного человека» обошлось населению волостей в 734 руб. 70 коп. (чуть менее половины годового денежного поступления с Устьянских волостей в государеву казну). На удовлетворение запросов Вахромеева каждому взрослому мужчине пришлось выложить примерно по полтине (напомню, эта сумма показалась правительству достаточным штрафом с жителей Соли Вычегодской за лжесвидетельство). Получается, что крестьяне были вынуждены давать в Москве взятку, для того чтобы найти управу на утратившего чувство меры «приказного человека». Устьянским крестьянам удалось добиться своего: по их челобитным организовали сыск, Вахромеева отозвали в Москву и в августе 1622 г. постановили взыскать с него (хоть и не в полном объёме) в государеву казну неправомерно нажитые деньги³⁹.

Вообще же царящая в северных городах бесконтрольность в сфере финансов поставила перед центральным правительством вопрос о причинах пассивности представителей воеводской администрации: имела ли с их стороны место, выражаясь современными терминами, преступная халатность (а на языке эпохи — «нерадение»), или же речь следовало вести об оплачиваемой взятками «бездельной корысти» (т.е. коррупции)? Вскоре после неудачной попытки подкупа устюжанами и усольцами думного дьяка Томилы Луговского тот распорядился прислать в столицу мирские расходные книги с начала царствования Михаила Фёдоровича. Результаты проверки нашли отражение в финансовой документации приказа благодаря тому, что царь и Боярская дума распорядились взыскать с представителей устюжской и усольской администраций и столичных эмиссаров треть «кормовых и посульных денег», полученных ими за время пребывания в должностях. Среди тех, кому пришлось уплатить в казну часть взятых с жителей Соли Вычегодской и Великого Устюга поборов, названы воеводы, дьяки, подьячие, дозорщики, сборщики запросных денег. К сожалению, всей полной информации о взятках и подношениях отдельным лицам мы не располагаем. В 1622/23 г. с устюжских и усольских должностных лиц взыскали 1 585 руб. 67 коп. 1.5 деньги. Кроме того, часть денег у них взял подьячий Фёдор Порошин, не отметивший этого в приходной книге приказа. Лишь позднее выяснилось, что подьячий взыскал 826 руб. 57 коп. 0.5 деньги⁴⁰. Всего, следовательно, в Устюжской четверти взяли 2 412 руб. 25 коп. «кормовых и посульных денег», а полная сумма поборов устюжских и усольских воевод, отражённая в мирских расходных книгах, была втрое выше и составила 7 236 руб. 75 коп. (см. табл. 3).

Дороже всего, что вполне предсказуемо, посадским и уездным людям обходилось содержание воевод, взимавших с подконтрольного населения денег и товаров на суммы, в несколько раз превосходящие их официальное жалованье.

³⁸ Приходо-расходные книги... С. 378, 388.

³⁹ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 6, л. 374—374 об.; ф. 141, оп. 1, д. 29 (1623 г.), л. 46.

⁴⁰ Там же, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 6, л. 366 об.—367 об.; ф. 141, оп. 1, д. 29 (1623 г.), л. 45—46; д. 26 (1626 г.), л. 3—4.

Таблица 3

Должностные лица, с которых в 1622/23 г. были взысканы «кормовые и посульные деньги», полученные в Великом Устюге и Соли Вычегодской за 1613–1621 гг.

Фамилия, имя	Должность и время пребывания в ней	Взысканная сумма	Общая сумма кормов и посулов
Кн. Приимков-Ростовский Алексей Васильевич	устюжский воевода, 1616–1619 гг.	481 руб. 95 коп.	1 445 руб. 85 коп.
Аргамаков Василий Алексеевич	усольский воевода 1 июля 1619–30 июля 1621 г. ⁴¹	428 руб. 92 коп. 1 деньга	1 286 руб. 77 коп. 1 деньга
Хлопов Мирон Тимофеевич	усольский воевода, 7 января 1616–20 декабря 1618 г. ⁴²	303 руб. 89 коп. 0.5 деньга	911 руб. 67 коп. 1.5 деньга
Стромилов Юрий	устюжский дозорщик, 1619/20 г. ⁴³	120 руб.	360 руб.
Нагой Александр Михайлович	сын устюжского воеводы, 1614/15–1615/16 гг. ⁴⁴	106 руб. 89 коп.	320 руб. 67 коп.
Льговский Иван Леонтьевич	дьяк у сбора пятой деньги в Устюге и Соли Вычегодской, 1615 г. ⁴⁵	71 руб. 79 коп. 1.5 деньга	215 руб. 39 коп. 0.5 деньга
Бобанин Панкратий	подьячий в Соли Вычегодской, 1619 г. ⁴⁶	48 руб. 39 коп. 0.5 деньга	145 руб. 17 коп. 1.5 деньга
Осокин Семён	подьячий, дозорщик в Соли Вычегодской, 1619/20 г. ⁴⁷	47 руб. 59 коп.	142 руб. 77 коп.
Зайцев-Бирдюкин Яким	сборщик запросных денег в Соли Вычегодской, 1615 г. ⁴⁸	44 руб. 18 коп.	132 руб. 54 коп.
Киреевский Григорий Фёдорович	денежный сборщик на Устюге (?), 1618/19 г. ⁴⁹	34 руб. 76 коп. 0.5 деньга	104 руб. 28 коп. 1.5 деньга
Жеребцов Семён Иванович	денежный сборщик в Устюге и Соли Вычегодской (?), 1614 г. ⁵⁰	29 руб.	87 руб.

⁴¹ Указные грамоты... № 55. С. 342–343; № 81. С. 361.

⁴² Там же. № 20. С. 322; № 54. С. 341.

⁴³ Приходо-расходные книги... С. 340, 342, 386, 387.

⁴⁴ Указные грамоты... № 42. С. 176; Приходо-расходные книги... С. 351; Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 260.

⁴⁵ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие... С. 308.

⁴⁶ Указные грамоты... № 54. С. 341; № 55. С. 342–343; № 66. С. 350.

⁴⁷ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие... С. 390.

⁴⁸ Указные грамоты... № 17. С. 321.

⁴⁹ В конце 1618 – начале 1619 г. он собирал запросные деньги на уплату жалования ратным людям в Тотме (Указные грамоты... № 106. С. 205).

⁵⁰ В апреле 1614 г. собирал запросные деньги в Тотме (Указные грамоты... № 6. С. 159).

Фамилия, имя	Должность и время пребывания в ней	Взысканная сумма	Общая сумма кормов и посулов
Шерефединов Андрей Иванович ⁵¹	сборщик хлебных запасов в Сибирь в Устюге и Соли Вычегодской в 1619 г. ⁵²	20 руб. 53 коп. 1.5 деньги	61 руб. 61 коп. 0.5 деньги
Шахов Никита ⁵³	?	17 руб. 41 коп.	52 руб. 23 коп.
Матвеев Феоктист ⁵⁴	?	16 руб. 85 коп.	50 руб. 55 коп.
Самарин Василий ⁵⁵	дозорщик в Соли Вычегодской, 1619/20 г.	4 руб. 50 коп.	13 руб. 50 коп.

Например, устюжский воевода кн. А.В. Приимков-Ростовский, находившийся на воеводстве в 1616–1619 гг. и получивший от населения подведомственного города и уезда за это время более 1 400 руб., имел в 1619/20 г. в Устюжской четверти годовой оклад 70 руб.⁵⁶, т.е. его содержание обходилось населению Великого Устюга в пять раз дороже, чем государственной казне. Денежный оклад Василия Алексеевича Аргамакова в Устюжской четверти составлял 50 руб.⁵⁷; два года его пребывания на воеводстве в Соли Вычегодской обошлись местным жителям почти в 1 300 руб. (вместе со стоимостью построенного для него воеводского двора), а значит усольцы платили присланному из столицы администратору в 12 раз больше государева жалованья. Предшественник Аргамакова воевода Мирон Тимофеевич Хлопов обходился посадку и уезду заметно дешевле, но и на его годовое содержание уходило более 300 руб. Позднее, в 1674/75 г., пребывание воеводы в Соли Вычегодской стоило посадку и уезду намного дороже — 800 руб.⁵⁸ В денежной росписи отсутствует имя усольского воеводы Степана Васильевича Голенищева (1613–1615). Вряд ли это объясняется тем, что он совсем не брал с подведомственного населения «кормов и посулов». Возможно, к моменту инициированной думным дьяком Луговским проверки тот скончался (обнаружить сведений о нём после воеводства в Соли Вычегодской не удаётся), и взыскать «кормовых и посульных» денег в его случае было не с кого. Нет в росписи и имени устюжского воеводы боярина Михаила Александровича Нагого (1613–1616),

⁵¹ Коломенский выборный сын боярский в 1606/07–1629 гг. (Мазуров А.Б. Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род // Российская история. 2011. № 2. С. 86).

⁵² Указные грамоты... № 54. С. 342.

⁵³ Вероятно, Никита Бердюкин (Борисов) сын Шахов, костромской выборный сын боярский в 1618–1626 гг. (Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. М.; Варшава, 2009. С. 89; «Подлинные» боярские списки 1626–1633 гг. Сборник документов / Сост. Е.Н. Горбатов. М., 2015. С. 94).

⁵⁴ В 1616/17 г. — подьячий Разрядного приказа с окладом 4 руб. (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие... С. 324).

⁵⁵ Там же. С. 390.

⁵⁶ Приходо-расходные книги... С. 145.

⁵⁷ Там же. С. 146.

⁵⁸ Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 321.

умершего в 1617/18 г.⁵⁹ Впрочем, в росписи упомянуты деньги, взятые с его сына Александра (практика подношений членам семьи воеводы была распространённым явлением). Не исключено, что Александр Нагой расплачивался за покойного родителя. В этом случае мы должны будем признать, что аппетиты воеводы боярина Михаила Нагого оказались наиболее умеренными.

Отразившийся в приходной книге Устюжской четверти пласт информации даёт пищу для размышлений относительно характера взаимоотношений воеводской власти и подведомственного ей населения. С одной стороны, мы имеем дело с господствующей в историографии точкой зрения, воспринимаемой едва ли не как аксиома, о крайней степени коррумпированности городских воевод, своими бесконечными поборами доводивших вверенных их управлению людей до ужасной нищеты. Исследователь феномена «воеводского кормления» в России второй половины XVII в. Г.П. Енин увидел в изучаемом им явлении врождённую и неизлечимую болезнь отечественного государственного организма: «Правительство не могло... и не собиралось искоренять воеводские злоупотребления, доходы от которых издревле составляли неперемнную часть ренты-кормления... широкие полномочия открывали перед воеводами практически безграничные перспективы незаконного кормления под вполне легальной окраской, хотя принудительный характер поборов был очевиден»⁶⁰. Иной взгляд на воеводскую власть демонстрирует крупный специалист по истории XVII в. В.Н. Козляков. Для него логичным является другой вывод: «Очевидно, что оно (воеводское управление. — Д.Л.)... не могло строиться на оправданиях воровства и алчности. Факты получения воеводами жалованья перед их приездом в города и уезды лишний раз демонстрируют незаконность воеводских “кормов”, с которыми боролись московские цари XVII века... Если и просили они (служилые люди. — Д.Л.)... “покормиться” на воеводство, то, наверное, это ещё была и понятная современникам ссылка на “кормлёные книги” четвертей, где вновь назначенным воеводам предстояло “руку приложить” в подтверждение полученных годовых окладов»⁶¹. Приходная книга Устюжской четверти показывает, что, безусловно, руки воевод не были совершенно чисты, и получение государева жалованья в четвертных приказах никак не препятствовало взиманию «кормовых и посульных» денег с управляемого населения. С другой стороны, нельзя согласиться с тем, что московское правительство не предпринимало совершенно никаких мер к пресечению воеводского произвола, постановив «оштрафовать» представителей воеводской администрации в размере третьей части документально подтверждённых мирскими расходными книгами «кормовых и посульных денег». При этом речь не шла ни о полном изъятии этих средств, ни, тем более, об их возвращении устюжанам и усольцам. Нужно отметить также, что для рассматриваемого периода стоимость содержания воевод местным населением не была чрезвычайно высокой. Воевода Мирон Хлопов получал от подведомственного населения приблизительно по 300 руб. в год, его преемник Василий Аргамаков — заметно больше, около 640 руб. в год (иначе говоря, первый обходился усольцам по 50 коп. с семьи в год, второй — примерно вдвое дороже). Не исключено, что Аргамакову поднесли больше денег в связи с тем, что он проводил сыск о причинах кабацкого недобора (напомню, что на первом этапе результаты сыска

⁵⁹ *Рое М.Т.* Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. Vammala, 2004. С. 92.

⁶⁰ *Енин Г.П.* Указ. соч. С. 316.

⁶¹ *Козляков В.Н.* Получали ли жалованье городские воеводы? // Памяти Лукичёва. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 111, 112.

оказались вполне благоприятными для сольвычегодского посада). Устюжский воевода кн. Алексей Приимков-Ростовский каждый год получал в виде «кормов и посулов» примерно по 360 руб. Это впятеро превосходило оклад его жалования, но при распределении этой суммы на посадское население получается всё та же не слишком обременительная полтина с двора. В данном случае мы берём в расчёт только посадское население. Вместе с населением уездов (в Устюжском, по имеющимся в Москве сведениям, было 9458 «жителей» (взрослых мужчин), в Усольском — 6146)⁶² воевода обходился каждой семье в 3—4 коп. в год⁶³.

Конечно, необходимо отдавать себе отчёт в том, что в мирских расходных книгах отражены не все траты на содержание воевод (в частности, там не записывались индивидуальные подношения), но даже с учётом этого обстоятельства нельзя согласиться с тезисом Г.П. Енина о том, что «затраты подвластного населения на содержание государственных администраторов сопоставимы по размерам с государственным обложением»⁶⁴.

Данные о стоимости содержания воеводской администрации любопытно сопоставить со сведениями о расходах на содержание ссыльных. В марте 1629 г. в Соль Вычегодскую приехал отбывать ссылку с женой и людьми один из недавних фаворитов царя Михаила Фёдоровича — стольник кн. Иван Андреевич Голицын. Кормовые деньги ссыльному аристократу выдавали из местных кабацких сборов, и его полугодовое пребывание в городе обошлось бюджету в 89 руб.⁶⁵ (или около 180 руб. в год). Это, разумеется, заметно меньше средств, подносимых сольвычегодским воеводам, однако и ссылка — не воеводство. И, конечно, размер ежегодно уступавших в 1620-х гг. в государственную казну денежных сборов с Великого Устюга и с Соли Вычегодской существенно превосходил расходы на кормы и посулы местным воеводам, составляя в первом из этих городов 2—2.5, а во втором — 4—5% сбора. Подношения посадских людей и уездных крестьян воеводам не шли ни в какое сравнение с теми деньгами, которые усольцы и устюжане «экономил» за счёт не замечаемых городской администрацией махинаций с кабацкими деньгами (первые в начале царствования Михаила Фёдоровича утаивали от казны порядка 2 тыс. руб. в год, вторые действовали с большим размахом, ежегодно недоплачивая в бюджет до 6 тыс. руб.). Масштабы имевших место злоупотреблений наглядно видны при сопоставлении уровня денежных сборов в этих городах в 1619/20 г. (до появления там московских голов) с количеством денег, собиравшихся в 1620-х гг. Из таблицы 4 видно, что «окладные» доходы росли медленно, увеличившись к 1625/26 г. по сравнению с 1619/20 г. на 15% в Великом Устюге и на 19% в Соли Вычегодской (что с некоторой осторожностью можно считать показателем темпа экономического роста)⁶⁶. Поступление же в казну кабацких и таможенных сборов в Устюге к середине 1620-х гг. выросло на 233, а к концу десятилетия — на 285%; у Соли — на 93 к середине и на 139% к концу 1620-х гг. Их рост в пределах 15—20% можно объяснить общим экономическим подъёмом по завершении Смутного времени. Увеличение же сверх этого

⁶² РГАДА, ф. 137, оп. 1, Владимир, кн. 4, л. 37—40.

⁶³ Несколько дороже — до 10 коп. с семьи — обходилось содержание усольского воеводы Аргамакова, которому пришлось строить двор и, видимо, подносить взятку за не слишком внимательное расследование злоупотреблений кабацких целовальников.

⁶⁴ Енин Г.П. Указ. соч. С. 323.

⁶⁵ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг), кн. 16, л. 83 об.

⁶⁶ К концу 1620-х гг. сборы окладных доходов в Соли Вычегодской выросли на 31% в сравнении с уровнем 1619/20 г.

Таблица 4

**Структура и размеры денежных поступлений в казну с Великого Устюга и Соли Вычегодской
(с уездами) в 1619/20–1629/30 гг.**

	Великий Устюг		Соль Вычегодская	
	Окладные доходы	Кабацкие и таможенные доходы	Окладные доходы	Кабацкие и таможенные доходы
1619/20 г.	5 143 р. 85 коп. 1 деньга	3 288 руб. 76 коп. 0.5 деньга	2 370 р. 54 коп. 1.5 деньга	2 105 руб. 08 коп. 0.5 деньга
	Всего – 8 432 руб. 61 коп. 1.5 деньга		Всего – 4 475 руб. 63 коп.	
1621/22 г.	5 885 руб. 52 коп. 1 деньга	8 595 руб. 63 коп. 1 деньга	2 810 руб. 62 коп. 0.5 деньга	3 488 руб. 3 коп. 1.5 деньга
	Всего – 14 481 руб. 16 коп.		Всего – 6 298 руб. 66 коп.	
1625/26 г.	5 917 руб. 88 коп. 1.5 деньга	10 949 руб. 8 коп. 1 деньга	2 816 руб. 51 коп. 0.5 деньга	4 060 руб. 72 коп.
	Всего – 16 866 руб. 97 коп. 0.5 деньга		Всего – 6 877 руб. 23 коп. 0.5 деньга	
1629/30 г.	5 907 руб. 14 коп.	12 559 руб. 52 коп.	3 115 руб. 89 коп.	5 022 руб. 73 коп.
	Всего – 18 466 руб. 66 коп.		Всего – 8 138 руб. 62 коп.	

Составлено по: Приходо-расходные книги... С. 336–354; РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 29 (1623 г.), л. 20–22; д. 26 (1626 г.), л. 59–62; *Пугач И.В.* К вопросу о структуре доходов государственного бюджета... С. 97.

уровня сборов тамги и питейных доходов в 1.5–2 раза может быть объяснено лишь установлением реального правительственного контроля за этими источниками прибыли⁶⁷.

Помимо воевод, деньги и корм подносились устюжанами и усольцами иным должностным лицам. Крупные суммы расходовались на подношения дьякам и подьячим. Находившийся в Соли Вычегодской, судя по всему, менее года подьячий Панкрат Бабанин⁶⁸ успел получить с населения города 145 руб. Размер его жалованья неизвестен, но в любом случае оно было в несколько раз меньше (максимальный годовой денежный оклад подьячего тогда составлял 50 руб.).

⁶⁷ Только после установления контроля над сбором кабацких и таможенных денег соотношение между ними и окладными доходами пришло к указанной И.В. Пугачем пропорции 60/40 (*Пугач И.В.* К вопросу о структуре доходов государственного бюджета первой трети XVII в. (по материалам Устюжской четверти) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 96). До этого соотношение было обратным.

⁶⁸ Время его пребывания в Соли Вычегодской определить сложно. 20 декабря 1618 г. подьячим в городе был ещё Пятый Филатов, а 1 июля 1619 г. указную грамоту туда адресовали уже Панкрату Бабанину (Указные грамоты... № 54. С. 341; № 55. С. 342–343). В Соли Вычегодской он находился 19 августа 1619 г. Вскоре после того он самовольно покинул город (Там же. № 66. С. 350). Вернулся ли он на прежнее место службы – неизвестно. Грамота от 30 июля 1621 г. в Соль Вычегодскую адресована ему (Там же. № 81. С. 361), между тем известно, что в январе 1621 – марте 1622 г. он находился на службе в Севском остроге (РГАДА, ф. 210, оп. 6ж, кн. 77, л. 138; кн. 276, л. 93 об., 142).

Подьячий Феокист Матвеев, служивший в 1617 г. в Разрядном приказе с небольшим (4 руб.) денежным окладом, получил в «командировке» (к сожалению, неизвестно, когда именно и в каком качестве он побывал в Устюге или Соли Вычегодской) от местного населения 50 руб. Подьячий Семён Осокин, проводивший дозор в Соли Вычегодской и Усольском уезде, взял «кормов и посулов» более чем на 140 руб. Любопытно, что задабривание его непосредственного начальника, писца Василия Самарина, обошлось усольцам в десять раз дешевле.

Не обошлось и без поднесения взяток и «почестей» сборщикам «запросных и пятинных денег». В первые годы царствования Михаила Фёдоровича поступления традиционных податей и сборов в государственную казну не могли восполнить дефицит государственного бюджета и покрыть потребности государства в денежных средствах. Города, подведомственные приказу Владимирской четверти, в частности, к 1613 г. платили в казну примерно в 2–2.5 раза меньше, чем до начала Смуты, а к 1617–1618 гг. поступления с них сократились ещё примерно на треть. В целом казённые сборы за 1604–1619 гг. уменьшились в 3–4 раза⁶⁹. Поэтому в начале царствования Михаила Романова правительство, остро нуждаясь в деньгах для уплаты жалованья ратным людям, несколько раз организовывало сбор «пятой» деньги. В 1614/15 г. эта мера принесла казне 113 169 руб. 90 коп., вторая пятина, взятая в 1615 г., дала вдвое меньше – 53 411 руб. Оклад третьей пятины, взимавшейся в 1616 г., составлял 173 тыс. 530 руб., в 1617 г. запланировали взять 51 935 руб.⁷⁰ Приезд в Соль Вычегодскую весной 1615 г. сборщиков второй «пятины» Якима Зайцова и дьяка Ивана Львовского обошёлся усольцам почти в 350 руб. сверх собираемых в казну средств (замечу, что и в этом случае подношения дьяку оказались выше «почестей» его руководителю). Неизвестно, сколько денег собрали в Соли Вычегодской эти «пятинщики». В первую пятину 1614/15 г. с города и уезда взяли 892 руб. 25 коп.⁷¹ Исходя из того, что в целом вторая пятина принесла казне вдвое меньше, можем предположить, что на этот раз усольцы заплатили в казну около 450 руб. Получается, что в 1615 г. сборщикам второй «пятины» они поднесли сумму, составлявшую примерно 78% от всего взятого с них экстраординарного налога. Надо полагать, что жители Соли Вычегодской на этой операции выгадали немало: в четвёртую пятину (1617 г., её оклад был примерно тем же, что и в 1615 г.) с них указали взять существенно больше – 1 500 руб. Максимальный оклад пятинных денег с Великого Устюга (в 1616 г.) составлял 4 500 руб. Средства, которые правительство пыталось взимать с жителей северных уездов в виде экстраординарного налога, с лихвой могли быть покрыты утаиваемыми населением кабацкими и таможенными деньгами.

Складывается любопытная картина: центральная власть в первые годы царствования Михаила Фёдоровича не имела представления о реальном экономическом состоянии отдалённых городов и уездов, полагаясь на сведения, предоставляемые самими посадскими и уездными людьми. Посадское население достаточно быстро находило общий язык с воеводами, сборщиками экстраординарных

⁶⁹ Лисейцев Д.В. Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Фёдоровича (по материалам приказа Владимирской четверти) // Российская история. 2017. № 4. С. 33–34.

⁷⁰ Лихачёв Н.П. Новые данные о Земском соборе 1616 г. // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 78; Лисейцев Д.В. Земский собор 1616 г. и сбор третьей пятины в Московском государстве: механизмы взаимодействия правительства и податного населения на исходе Смутного времени // Российская история. 2016. № 5. С. 17; Указные грамоты... № 39. С. 333.

⁷¹ Веселовский С.Б. Семь сборов... С. 107.

налогов, дозорщиками. Уплачиваемые им взятки на протяжении длительного времени позволяли поддерживать в московском правительстве существенно заниженные представления об уровне местных доходов. Размеры «посулов», вручаемых должностным лицам, не были чудовищно большими, они не шли в сравнение с выгодой, приобретаемой посадскими людьми, заручившимися небескорыстным сочувствием воеводы или дозорщика. Пример выявленных в начале 1620-х гг. в Устюге Великом и Соли Вычегодской хищений показывает масштабы злоупотреблений, практикуемых жителями этих городов в условиях отсутствия реального контроля со стороны центральной власти. Это, в свою очередь, ставит вопрос: насколько соответствует действительности представление о том, что посадские люди XVII в. находились в полной зависимости от представителей воеводской администрации? Документы Устюжской четверти показывают, что содержание воевод не было для населения Великого Устюга слишком обременительным, а отношения посадского населения с администрацией выглядят вполне взаимовыгодными.

Вторая проблема, обращающая на себя внимание в свете проанализированных источников — достоверность сведений об экономическом состоянии и потенциале городов и уездов, которыми располагало правительство царя Михаила Фёдоровича к моменту завершения Смутного времени. До начала практики назначения голов в Великий Устюг и Соль Вычегодскую из Москвы местное население при попустительстве воевод убеждало столичные власти в крайней степени своего разорения, в 1,5–2 раза занижая данные о размерах кабацких и таможенных сборов. Централизаторским устремлениям московских властей в фискальной сфере в первые десятилетия XVII в. успешно противостояли посадские миры северных русских городов, не слишком дорогой ценой сделавшие своими союзниками агентов центральной власти — воевод⁷². Правительству царя Михаила Фёдоровича, лишённому достоверной информации о фискальном потенциале городов и уездов, приходилось прибегать к введению экстраординарных податей, но их сборщики оказывались вовлечены в процесс дезинформирования центрального правительства. В случае Великого Устюга и Соли Вычегодской ситуация прояснилась лишь после передачи контроля над сбором таможенных и кабацких денег столичным головам. Свою роль сыграла и порядочность приказного дьяка — представителя того слоя управленцев, который современники и потомки особенно охотно обвиняют в мздоимстве и казнокрадстве. Соответственно, открытым остаётся вопрос о подлинных масштабах разорения Московского государства в годы Смуты начала XVII в.

⁷² Изучавшая городские дозоры начала XVII в. Е.А. Тимохина отметила, что на завершающем этапе Смутного времени инициаторами мероприятий по определению платёжеспособности населения чаще всего выступали сами посадские люди, а непосредственными исполнителями становились городовые воеводы. Итоги произведённых дозоров «демонстрировали крайнее разорение городского населения», после чего многие посады, по меньшей мере вплоть до середины XVII в., платили подати по дозорным книгам начала XVII в. (Тимохина Е.А. Дозорные книги городов первой трети XVII в. как источник по истории средневекового города Европейской России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 31, 32).